

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский институт истории

На правах рукописи

Синельникова Елена Федоровна

Власть и научные общества Петрограда-Ленинграда в 1920-е годы

Специальность – 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2013

Работа выполнена в Санкт-Петербургском институте истории РАН

Научный руководитель:

доктор исторических наук
Чистиков Александр Николаевич

Официальные оппоненты:

Измозик Владлен Семёнович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и регионоведения гуманитарного факультета ФГБОУВПО «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»

Офицерова Наталья Владимировна

кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Института гуманитарного образования ФГБОУВПО «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Ведущая организация:

ФГБОУВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится 3 декабря 2013 г. в 14 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 002.200.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук на базе Санкт-Петербургского института истории РАН по адресу: 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Санкт-Петербургского института истории РАН

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук

П.В. Крылов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования объясняется необходимостью всестороннего изучения опыта взаимоотношений власти и общества, власти и науки, которые в нашей стране всегда складывались непросто. Особенно драматично они развивались в трудные, переходные периоды. Именно таким периодом, без сомнения, можно назвать 1920-е гг.

Проблема взаимоотношений между властью, наукой и обществом в Советской России 1920-х гг. не раз становилась объектом внимания отечественных и зарубежных историков. И тем удивительнее, что такой ее аспект как отношения партийно-государственных структур и научных обществ оказался практически неразработанным ни на общероссийском, ни на региональном уровне.

В Петрограде-Ленинграде в 1920-е гг. располагались городские, всероссийские и всесоюзные научные общества, а также их отделения, причем по количеству этих организаций город занимал первое место в стране, поэтому комплексное исследование проблемы взаимодействия научных обществ Петрограда-Ленинграда и власти в 1920-е гг. представляется также весьма актуальным. Кроме того, и сейчас продолжают существовать научные общества, а, следовательно, исторический опыт их взаимоотношений с властными органами может быть полезным.

Среди отдельных аспектов проблемы, требующих разработки, можно назвать изучение специфики процесса создания новых научных обществ в 1920-е гг. (откуда шла инициатива: от ученой общественности или от власти), динамики числа научных обществ, причины долголетия и благополучного существования одних научных обществ и быстрый крах других.

Объектом исследования являются научные общества Петрограда-Ленинграда и как местные, так и центральные органы власти – научно-административной, государственной и партийной.

Предмет исследования составляют взаимоотношения властных структур и научных обществ города.

Территориальные рамки исследования ограничиваются пределами Петрограда-Ленинграда, как крупнейшего научного центра в стране.

Хронологические рамки работы обусловлены тем, что именно в 1920-е гг. формируется новая модель взаимоотношений власти, науки и общества, своеобразно отразившаяся на отношении власти к научным обществам Петрограда-Ленинграда. Целесообразно выделить несколько этапов в этом временном отрезке: 1) 1921-1925 гг. – отличались упорядочением отношений научных обществ и власти, стремлением обществ продолжать научную работу в новых условиях. В эти годы происходило постепенное материальное улучшение положения научных обществ, но, вместе с тем, все более усиливалось проникновение властных структур в научную и хозяйственную жизнь обществ, что привело к открытому противостоянию; 2) 1926-1930 гг. –

характеризовались свертыванием деятельности одних и огосударствлением других обществ, изменением направлений деятельности научных обществ и тотальным подчинением властным структурам.

Степень изученности проблемы. Научная политика Советского государства в 1920-е гг. – тема в советской и современной отечественной историографии достаточно востребованная¹, наряду с историей общественных организаций (добровольных обществ) периода нэпа². Однако ни научные общества в своей совокупности, ни их взаимоотношения с властью специальному исследованию не подвергались.

Одна из причин такого положения, на наш взгляд, – сложность объекта исследования. Научные общества как особая форма организации науки занимали неоднозначное положение в системе научных учреждений Советского государства в целом и Петрограда-Ленинграда, в частности, так как данные объединения, вместе с тем, являются и специфическими общественными организациями ученых. Именно эта свойственная им двойственность не позволяет авторам рассматривать их как собственно исследовательские учреждения наравне с институтами, лабораториями и проч. Однако также невозможно полноценное включение научных обществ в ареал существования общественных организаций, так как их своеобразие проявляется в отличных от большинства добровольных обществ целях, направлениях и формах работы.

Разумеется, что все авторы, пишущие либо о науке и научной политике государства, либо об общественных организациях, так или иначе упоминают научные общества, но всегда рассматривают их в общей массе других учреждений или организаций и таким образом полностью нивелируют присущую им специфику. Тем не менее, в историографии следует выделить три группы работ, в которых в отличие от многих других научным обществам уделено больше внимания.

Первую группу составляют исследования, посвященные истории науки и государственной научной политике, а также раскрывающие проблему взаимодействия науки и власти в первые десятилетия советской власти.

Исследование М.С. Бастраковой начала 1970-х гг., посвященное «начальному этапу научного строительства»³, имело ярко выраженный

¹ Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. М., 1971; Берлявский Л.Г. Отечественная наука и политика в 1920-е –1930-е гг. Ростов-на-Дону, 1996; Романовский С.И. Наука под гнетом российской истории. СПб., 1999; Кривоносов Ю.И. Партия и наука в первые годы советской власти // Наука и техника в первые десятилетия советской власти: социокультурное измерение (1917-1940). М., 2007. С. 13-32; и др.

² Коржихина Т.П. Общественные организации в СССР в 1917-1937 гг. М., 1981; Купайгородская А.П., Лебина Н.Б. Добровольные общества Петрограда-Ленинграда в 1917-1937 гг. (тенденции развития) // Добровольные общества Петрограда-Ленинграда в 1917-1937 гг. Л., 1989. С. 5-16; Киселева Н.В. Возникновение феномена советских массовых добровольных обществ. Ростов-на-Дону, 1998; Ильина И.Н. Общественные организации в России в 1920-е гг. М., 2000; и др.

³ Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки (1917-1922). М., 1973.

отпечаток своего времени. Этим следует объяснить клишированность и однобокость суждений, однако к достоинствам данной работы следует отнести богатый фактологический материал. Автор уделила особое внимание процессу создания советских государственных органов по руководству наукой и складывания новой организационной структуры последней. Научные общества М.С. Бастраковой противопоставлялись научно-исследовательским институтам – «самой прогрессивной для того времени форме организации исследований», созданным советской властью¹. Более того, автором особо подчеркивалось, что гуманитарные научные общества были закрыты, т.к. «оказались непригодными для решения новых задач, прежде всего в силу ограниченности своей традиционной тематики»².

Л.В. Иванову интересовали процессы складывания советской научной интеллигенции в первое десятилетие советской власти. В своей работе 1980 г.³ она не могла обойти вниманием научные общества. Автор отмечает, что «новая, советская система руководства наукой и ее кадрами создавалась на протяжении 1917-1920-х гг. постепенно, складываясь из различных звеньев советского и партийного аппарата, с одной стороны, и общественных организаций научной интеллигенции – с другой»⁴. По мнению Л.В. Ивановой, «перевоспитание» ученых осуществлялось благодаря пристальному вниманию власти к деятельности научных обществ, а также путем создания «нового типа научных обществ, которые на марксистской основе объединяли специалистов различных отраслей»⁵. В целом, старые научные общества противопоставлялись новым – марксистским, которые «активно участвовали в процессе формирования советской научной интеллигенции»⁶, и с этим выводом нельзя не согласиться.

В конце 1980-х гг. в условиях перестройки политической и социально-экономической жизни в стране изменяются подходы к изучению истории отечественной науки. Яркий тому пример, совместная статья Д.А. Александрова и Н.Л. Кременцова⁷, написанная с новых методологических позиций. Авторы представили свою версию социальной истории советской науки в период с 1917 г. до 1950-х гг. Необходимо отметить, что основная задача социальной истории науки – связать саму возможность получения нового знания с конкретным историческим моментом и с ценностными ориентирами государственных институтов, неизбежно подстраивающихся под

¹ Бастракова М.С. Указ. соч. С. 139.

² Там же. С. 147.

³ Иванова Л.В. Формирование советской интеллигенции (1917-1927 гг.). М., 1980.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 325-326.

⁶ Там же. С. 327.

⁷ Александров Д.А., Кременцов Н.Л. Опыт путеводителя по неизведанной земле. Предварительный очерк социальной истории советской науки (1917-1950-е гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1989. № 3. С. 67-80.

исторические реалии¹. Несмотря на это статья изобилует эмоционально окрашенными оценочными суждениями, в связи с чем многие выводы представляются весьма спорными. Так, Д.А. Александрову и Н.Л. Кременцову научные общества 1920-х гг. представлялись «островками свободы», т.к., по их мнению, они были менее втянуты в процесс огосударствления и им принадлежала особая роль в организации сопротивления монополистическим устремлениям в советской науке².

В 1990-е гг. стали появляться на русском языке работы зарубежных исследователей по социальной истории отечественной науки. Книга известного английского историка Л.Р. Грэхэма³ представляет собой исследование отношений власти и науки, которые можно свести к нескольким тезисам: «Целый ряд российских и советских ученых столкнулись со схемой чередования поддержки и нажима как до, так и после революции»⁴; «после большевистской революции 1917 года отношение правительства к ученым и инженерам стало еще более проблематичным, чем при царском режиме»⁵. Сделанные автором выводы представляются вполне правомерными.

Особый интерес среди отечественных исследований по социальной истории науки последнего десятилетия представляют работы А.А. Курепина⁶ и Л.Г. Берлявского⁷.

Хорошо фундированная монография А.А. Курепина «Наука и власть в Ленинграде. 1917-1937 гг.» написана на большом документальном материале и представляет значительную ценность для нашего исследования, т.к. она впервые освещает проблемы взаимоотношений власти и науки на региональном уровне: на материалах Петрограда-Ленинграда. Однако вопросам взаимоотношений власти и научных обществ города автор уделил недостаточно внимания. Весьма кратко упоминаются в нескольких разделах монографии существовавшие в тот период научные общества, при этом автор иногда некритически подходит к фактическому материалу, порой допускает явные ошибки.

Тем не менее, другие публикации А.А. Курепина также заслуживают внимания, например, его статья, посвященная реорганизации, которой

¹ Калинин С.Б. Методологические подходы изучения региональной истории науки // X Международная заочная научно-практическая конференция «Инновации в науке» (г. Новосибирск, 16 июля 2012 г.). Новосибирск, 2012. С. 7.

² Александров Д.А., Кременцов Н.Л. Указ соч. С. 74-75.

³ Грэхэм Л.Р. Очерки истории российской и советской науки. М., 1998.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Там же.

⁶ Курепин А.А. Наука и власть в Ленинграде. 1917-1937 гг. СПб., 2003; Он же. Власть и наука. 1917-1937 гг. (на материалах Петрограда-Ленинграда). Дисс. на соиск. уч. степени д.и.н. СПб., 2004.

⁷ Берлявский Л.Г. Отечественная наука и политика в 1920-1930-е гг. Ростов-на-Дону, 1996; Он же. Власть и отечественная наука (1917-1941). Ростов-на-Дону, 2003; Он же. Власть и отечественная наука: формирование государственной политики: 1917-1937 гг. Дисс. на соиск. уч. степени д.и.н. Новочеркасск, 2004.

подверглись все научные организации в Ленинграде в 1926-1932 гг.¹ В частности, исследователь делает вывод о том, что проводимая по указанию НКВД в Ленинграде в конце 1920-х – начале 1930-х гг. принудительная реорганизация научных обществ имела целью полное подчинение органам советской власти деятельности научных обществ и усиление административного и идеологического контроля над ними. Более того, «власть стремилась превратить общества из самостоятельных, внутренне еще относительно автономных научных объединений ... в управляемые массовые организации, участвующие в реконструкции страны, культурной революции и пропаганде научных знаний»².

В своем диссертационном исследовании, освещающем проблемы государственной научной политики в 1917-1941 гг.³, Л.Г. Берлявский уделил незначительное внимание отношениям научных обществ и власти. Тем не менее, автор выдвинул важный тезис о том, что «государственная политика в отношении научных обществ в России зависела от типологии последних»⁴. Между тем, некоторые из выводов Л.Г. Берлявского следует считать недостаточно обоснованными, в частности, о том, что «вне зависимости от научной специализации обществ, большинство имевших дореволюционную историю занимали идеологически самостоятельные позиции, выступая против идеологического диктата»⁵.

Таким образом, и советская, и современная отечественная историография, посвященная проблемам формирования политики советской власти в отношении науки в первые десятилетия после революции, не уделяла должного внимания взаимоотношениям власти и такой неотъемлемой части научной сферы, как научные общества.

Во вторую группу необходимо включить работы, внимание авторов которых привлекали вопросы взаимоотношений власти и общества в целом, и история общественных организаций в частности, в 1920-е гг.

В начале 1980-х гг. появились публикации Т.П. Коржихиной⁶, которые стали первыми в отечественной историографии комплексными исследованиями, посвященными общественным организациям. Автором были рассмотрены общие принципы существования советских общественных организаций, дана классификация обществ на основе определения основного содержания их деятельности (в соответствии с этим в отдельную группу Т.П.

¹ Курепин А.А. Реорганизация научных учреждений в Ленинграде в 1926-1932 годах // Вопросы истории. М., 2003. № 12. С. 142-148.

² Там же. С. 147.

³ Берлявский Л.Г. Власть и отечественная наука: формирование государственной политики: 1917-1937 гг.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же. С. 268.

⁶ Коржихина Т.П. Общественные организации СССР в 1917-1936 гг. М., 1981; Она же. Общественные организации в СССР в переходный период от капитализма к социализму. Автореферат дисс. на соиск. уч. степени д.и.н. М., 1986.

Коржихина выделила научные и научно-технические общества), а также кратко охарактеризована их деятельность в 1920-30-е гг.¹ Однако в силу узких идеологических рамок, которые позволяли советским исследователям затрагивать лишь ограниченный круг проблем, Т.П. Коржихина обошла вниманием отношения общественных организаций, и научных обществ в том числе, с партийно-государственными структурами.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в связи с происходившими преобразованиями в стране, особой популярностью стали пользоваться вопросы развития форм общественной инициативы. На волне интереса к общественным организациям Ленинградским отделением института истории СССР АН СССР был выпущен сборник статей, посвященный добровольным обществам в Петрограде-Ленинграде довоенного времени. Сборник открывался статьей А.П. Купайгородской и Н.Б. Лебиной², освещающей общие вопросы деятельности добровольных обществ в этот период. Ограниченные рамками статьи, авторы лишь перечислили существовавшие в городе научные общества, сгруппировав их по отраслям науки.

Единственная работа, посвященная исключительно научным обществам в 1920-е гг. – статья В.С. Измозика и Б.В. Павлова³. Авторам удалось установить влияние проводимых в стране политико-экономических преобразований на функционирование научных обществ: «ограниченность деятельности научных и инженерно-технических обществ в 1920-е гг. была предопределена внутренней противоречивостью нэпа, его незавершенностью»⁴. Однако авторы рассматривают научные общества односторонне – только как общественные организации.

Необходимо отметить также работы Н.В. Киселевой⁵, написанные в конце 1990-х гг. на основе богатого архивного материала. Она попыталась дать обобщающую характеристику системы советских добровольных обществ (общественных организаций) 1920-х гг., при этом научные общества находились на периферии внимания автора. Однако бесспорным достоинством исследования является глубокая разработка правовых и законодательных аспектов существования добровольных обществ. Вместе с тем, Н.В. Киселевой верно было замечено, что «рычагом влияния являлись и партийные фракции обществ. [...] Становление номенклатурного аппарата и фракций проходило наиболее сложно в научных обществах»⁶.

¹ Коржихина Т.П. Общественные организации СССР в 1917-1936 гг. С. 39, 44-53.

² Купайгородская А.П., Лебина Н.Б. Указ соч.

³ Измозик В.С., Павлов Б.В. Научные и инженерно-технические общества в условиях новой экономической политики // Россия нэповская: политика, экономика, культура. Новосибирск, 1991. С. 244-247.

⁴ Там же. С. 247.

⁵ Киселева Н.В. Возникновение советского феномена массовых добровольных обществ. Ростов-на-Дону, 1998; Она же. Добровольные общества в Советской России (1917-конец 1920-х гг.). Автореферат дисс. на соиск. уч. степени д.и.н. Ростов-на-Дону, 1999.

⁶ Киселева Н.В. Добровольные общества в Советской России (1917-конец 1920-х гг.).

Труд И.Н. Ильиной¹, вышедший всего двумя годами позже монографии Н.В. Киселевой, представляет собой фундированное исследование, написанное на основе обширных документальных материалов. В заслугу автору можно поставить глубокий анализ всех законодательных и нормативных актов, определяющих принципы функционирования общественных организаций в 1920-е гг. Естественно, И.Н. Ильина рассматривает научные общества в общем контексте взаимоотношений власти и общественных организаций. Однако выводы, сделанные автором, представляются вполне правомерными: «К концу 1920-х гг. сфера общественных организаций России пришла в реформированном и серьезно урезанном виде.[...] Всевластие государственных структур над негосударственными было легализовано в законодательном порядке. [...] Сложились типичные советские общественные организации, ставшие формой социальной мобилизации населения для выполнения политических и идеологических задач»².

Особо следует отметить работы американского историка Дж. Брэдли, в частности статью, представляющую собой «обзор правовой основы деятельности добровольных обществ»³ в 1917-1932 гг. По мнению автора, такой аспект исследования не только позволял по-новому взглянуть на «культурную революцию», но и давал возможность лучше понять природу гражданского общества в первые годы советской власти⁴. Применение советских законодательных и нормативных актов в общественной сфере анализируется, главным образом, на примерах научных обществ. Автор приходит к выводу о том, что после того как общественные организации были взяты государственными органами под «твердое пролетарское руководство», гражданское общество перестало существовать⁵. Необходимо отметить, что работы Дж. Брэдли в основном посвящены специфике складывания гражданского общества в России⁶. Отношения власти и общественных организаций, как неперемного элемента гражданского общества, составляли основной предмет его исследований. Вследствие того, что научные общества являлись одним из видов общественных организаций, Дж. Брэдли проводил свои исследования именно на их материалах. Они были выбраны историком в качестве примера «по критерию длительности их существования, формально и юридически оформленных отношений с властными структурами, доступностью

Автореферат. С. 35.

¹ Ильина И.Н. Указ. соч.

² Там же. С. 149.

³ Брэдли Дж. Добровольные общества в Советской России 1917-1932 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 1994. № 4. С. 34.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Брэдли Дж. Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций: опыт России в европейском контексте // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: вторая пол. XIX – начало XX в. М., 2007. С. 63-99; Он же. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012.

архивной документации, а также своего достойного статуса и общественной миссии»¹. Сделанные автором общие выводы важны и для исследования советского периода взаимоотношений власти и общественных организаций.

Третью группу составляют работы, посвященные отдельным обществам. Чаще всего такие издания являются юбилейными². В центре внимания авторов этих исследований основные этапы жизнедеятельности того или иного общества, влияние, которое они оказали на развитие соответствующей области науки. О взаимоотношениях их с властью, как правило, вообще не упоминается. Однако в этих работах есть материал о деятельности обществ, который использовался в данном исследовании.

Таким образом, необходимо отметить неослабевающий интерес к социальной истории науки и развитию общественных организаций в первые десятилетия советской власти, а также к истории отдельных научных обществ. Тем не менее, к настоящему времени обстоятельного исследования, посвященного всестороннему анализу взаимоотношений научных обществ и власти в 1920-е гг., не создано, чем и объясняется обращение к данной тематике.

Целью работы является исследование проблемы взаимоотношений научных обществ и власти в 1920-е гг. на материалах Петрограда-Ленинграда.

В соответствии с поставленной целью выдвинуты следующие **задачи**:

- конкретизировать содержание и объем понятия «научные общества» для этого исторического периода;
- определить факторы, от которых зависело отношение власти к научным обществам Петрограда-Ленинграда;
- показать особенности отношения власти к научным обществам различных видов (гуманитарного, технического, естественнонаучного профиля, новых и давно действующих, имеющих различный статус – университетские, академические, самостоятельные и т.п.)
- выявить особенности основных этапов взаимоотношений властных структур и научных обществ города и их характерные черты;
- проследить эволюцию нормативных документов (на примере «уставов» и «положений»), на основе которых функционировали научные общества в 1920-е гг.;
- исследовать взаимоотношения на разных стадиях жизни обществ (при учреждении научных обществ, во время разных этапов деятельности, при закрытии);

¹ Брэдли Дж. Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций. С. 85.

² Соловьев С.П. Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук. Л., 1967; Филиппов Н.Г. Научно-технические общества в СССР (1917-1941 гг.). М., 1977; Луцкий В.К. История астрономических общественных организаций в СССР (1888-1941 гг.). М., 1982; Кричко В.А. Продолжая традиции ... (К 125-летию Русского технического общества). М., 1991; Агафонов Н.Т. Русское географическое общество. 150 лет. М., 1995; и др.

- проанализировать механизмы взаимодействия научных обществ с государственными и партийными органами в юридической (законо- и нормотворческой), финансовой, научной и др. сферах;
- изучить основные направления деятельности научных обществ Петрограда-Ленинграда в указанный период.

Методология. Поставленные исследовательские задачи решались на основе проблемно-хронологического подхода, в контексте которого взаимоотношения власти и научных обществ города, в рассматриваемый период, анализируются в конкретной исторической обстановке и в хронологической последовательности.

При обработке фактического материала использовались специальные методы исторического исследования. Историко-генетический метод применялся для анализа механизмов возникновения и развития научных обществ Петрограда-Ленинграда в 1920-е гг. Метод диахронического сравнения, предназначенный для сопоставления одного и того же явления в разные периоды существования, позволил определить сущность и характер взаимоотношений власти и научных обществ города как в последние годы царской России, так и в первое десятилетие советской власти. Системно-структурный метод помог установить взаимосвязи между научными обществами Петрограда-Ленинграда на личностном, научном и организационном уровнях, а также определить место научных обществ в системах научных учреждений и общественных организаций города. Понятийно-категориальный аппарат почти всех гуманитарных наук недостаточно разработан, поэтому использование терминологического анализа дало возможность проследить изменения в объеме и содержании понятия «научные общества», а также конкретизировать его.

Источниковую базу исследования составил комплекс документальных материалов как неопубликованных, так и опубликованных.

Документальную основу исследования составили документы более 220 дел 6 фондов двух региональных архивов – Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб).

Особый интерес для исследования представляли хранящиеся в ЦГА СПб Ф.2555 – Ленинградское отделение Главного управления научных учреждений Академического центра Наркомата просвещения РСФСР (1917-1925 гг.) и Ф.2556 – Управление уполномоченного Наркомата просвещения РСФСР по делам вузов, рабфаков, научных, научно-художественных и музейных учреждений Ленинграда (1926-1930 гг.). Эти фонды содержат циркуляры, распоряжения, отношения и другие делопроизводственные документы местных и центральных административных органов, непосредственно касающиеся научных обществ города. Однако особенно ценны дела научных обществ, вошедшие в эти два фонда. Дело в том, что фонды самих обществ единичны и не дают представления об их отношениях с властными структурами. Напротив, материалы Ф.2555 и Ф.2556 характеризуют многообразие их взаимоотношений.

Необходимо подчеркнуть, что эти материалы в массе своей никогда ранее не использовались исследователями. В основном это переписка с научно-административными и другими властными органами, как местными, так и центральными, а также с отдельными должностными лицами, отчеты, сметы, уставы, протоколы и журналы заседаний, списки членов обществ и т.п., в которых зафиксированы конкретные факты, события, отражена текущая и планируемая работа, сформулированы проблемы и намечены пути их решения. Тем не менее, документы не всех научных обществ, функционировавших в городе в 1920-е гг., сохранились в ЦГА СПб, дела некоторых из них к настоящему моменту «выбыли», т.е. утрачены, и это осложняет исследование.

Материалы фонда Ленинградского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительного комитета (Ф.1000) ЦГА СПб имели вспомогательное значение, как содержащие материалы заседаний секции народного просвещения за 1920-е гг., на которых делались доклады о работе административно-научных органов Петрограда-Ленинграда в соответствующие годы, а также результаты проверки научных обществ города в 1930 г.

Документы фондов ЦГА ИПД СПб позволили выявить роль партии в выработке политики в отношении научных учреждений, подведомственных Главнауке. Разумеется, на заседаниях Бюро коллектива ВКП(б) органов Главнауки в Петрограде-Ленинграде обсуждались вопросы «коммунизации» научных учреждений и т.п. Однако научные общества специальному рассмотрению на этих заседаниях не подвергались, за исключением Научного общества марксистов, в котором с момента создания было сильно партийное влияние.

Источниковая база исследования была значительно пополнена обширным комплексом опубликованных источников.

Научные общества, как уже отмечалось, занимали неоднозначное положение, обладая свойствами и общественных организаций, и научных учреждений. Тем не менее, если все научные учреждения функционировали на основе положений и уставов, выработанных специально для каждого их вида – для Академии наук, вузов, исследовательских институтов и т.п., то научные общества подчинялись законодательным и нормативным актам, обязательным для общественных организаций. Таким образом, одним из важнейших источников являются законодательные и нормативные акты, которые определяли процесс создания и функционирования научных обществ в 1920-е гг., закрепляли их права и обязанности, регулировали их отношения с властью¹.

¹ О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними // СУ РСФСР. 1922. № 49. Ст. 622. С. 787; Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли и состоящих в ведении Главнауки Наркомпроса // Бюллетень НКВД. 1923. №12. Ст. 158. С.87-89; Положение об обществах и союзах, не преследующих цели извлечения прибыли // СУ РСФСР. 1928. № 22. Ст. 157. С. 270-276; Типовой устав научных, литературно-художественных, научно-технических и т.п. обществ,

Анализ этих актов позволяет проследить процесс развития взаимоотношений власти и обществ с момента создания первого такого закона и до 1930 г. включительно.

Материалы периодической печати представлены газетами: «Северная коммуна», «Вестник Петросовета» и «Известия ВЦИК». Данный вид источников важен для исследования, т.к. в упомянутых газетах помещались распоряжения и постановления местных и центральных властных органов, обязательные для выполнения научными учреждениями и общественными организациями. Кроме того, научные общества города именно из этих изданий узнавали о новых правительственных законодательных и нормативных актах.

Большое значение для работы имели сборники опубликованных документов¹, содержащие разнообразные материалы, разносторонне характеризующие взаимоотношения власти и научных учреждений, в том числе и обществ, в исследуемый период.

Важнейшим источником, учитывая некоторую неполноту архивных материалов, являются справочные издания 1920-х гг. В первую очередь, это справочники, выпускавшиеся комиссией «Наука и научные работники России» при Академии наук в 1920-1934 гг., в особенности те выпуски, которые были посвящены Петрограду-Ленинграду². Эти издания помогают установить число научных обществ в городе за соответствующие годы, а также точные даты создания некоторых из них. Другое справочное издание «Весь Петроград» (затем «Весь Ленинград»), начиная с 1922 г., выходило ежегодно до середины 1930-х гг.³ Списки научных обществ помещались в каждом выпуске в разделе, отведенном для общественных организаций города. Необходимо отметить, что адресно-справочная книга города, в отличие от академического издания, содержит неполные сведения, т.к. их специально не собирали, а подавали добровольно.

Критическое изучение указанных источников позволило провести всесторонний анализ процессов, происходивших во взаимоотношениях властных структур и научных обществ Петрограда-Ленинграда в 1920-е гг.

Научная новизна диссертации состоит в том, что благодаря привлечению широкого круга источников, большинство из которых впервые

имеющих филиальные отделения // Бюллетень НКВД. 1928. № 27. Ст. 247. С. 535-541; Положение о добровольных обществах и союзах // СУ РСФСР. 1930. № 44. Ст. 527. С. 687-690; Типовой устав добровольных обществ, имеющих отделения // Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. С. 11-27; и др.

¹ Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925). Сб. док-тов. Л., 1968; Организация советской науки в 1926-1938 гг. Сб. док-тов. Л., 1974.

² Наука в России. Справочник-ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. Выпуск 1. Пб.-Пг., 1920; Наука в России. Справочник. Научные работники Петрограда. Пг., М., 1923; Наука и научные работники СССР. Ч. II. Научные учреждения Ленинграда. Л., 1926; и др.

³ Весь Петроград на 1922 г. Пг., 1922. С. 659-662; Весь Петроград на 1923 г. Пг., 1923. С. 251-253; Весь Ленинград на 1924 г. Л., 1924. С. 310-313; Весь Ленинград на 1925 г. Л., 1925. С. 186-190; и др.

вводится в научный оборот, в ней впервые комплексному исследованию подверглись взаимоотношения власти и научных обществ Петрограда-Ленинграда в 1920-е гг. На региональном материале показаны особенности, характерные для взаимодействия власти и науки, власти и общественных организаций в указанный период. Наряду с этим исследуются некоторые ранее не освещенные вопросы социальной истории отечественной науки. Впервые дано определение понятия «научные общества» для 1920-х гг.

На защиту выносятся следующие **основные положения**, в которых нашла отражение научная новизна диссертационного исследования:

1. Научными обществами в 1920-е гг. необходимо считать такие организации, которые функционировали на основе утвержденного устава и состояли из ученых и специалистов, занимающихся исследовательской работой, с целью всесторонней разработки какой-либо области науки.

2. Отношение власти к научным обществам Петрограда-Ленинграда зависело от политической и экономической ситуации в стране, а также от международной обстановки. Влияние на этот процесс оказывали и личные связи, и научная целесообразность, с точки зрения властных органов.

3. Власть поддерживала естественнонаучные, технические и медицинские научные общества, гуманитарные ликвидировались. Особым покровительством пользовались крупные общества с дореволюционной историей, и те, что проводили в науку положения марксизма.

4. Взаимоотношения власти и научных обществ Петрограда-Ленинграда прошли в 1920-е гг. два этапа. В течение первого (1921-1925 гг.) благодаря поддержке власти происходило укрепление материального и финансового положения научных обществ, но при этом формировалась система властного контроля над их деятельностью. Рубежом в их отношениях стали 1925-1926 гг., когда со стороны научных обществ были предприняты попытки открытого противостояния административно-бюрократической системе, правда, не увенчавшиеся успехом и проигнорированные властью. Второй этап (1926-1930 гг.) характеризовался дальнейшим усилением нажима власти на научные общества Ленинграда. Контроль над их деятельностью стал всеобъемлющим, они подверглись масштабным обследованиям в 1929-1930 гг., которые привели к сокращению численности обществ и изменению их сущности.

5. На протяжении 1920-х гг. взаимоотношения власти и научных обществ строились на основе целого ряда законодательно-нормативных документов. Основными тенденциями их эволюции были: усложнение процедуры регистрации новых организаций, расширение полномочий контролирующих органов, детальная регламентация и формализация внутренней жизни обществ и их деятельности.

6. Власть выполняла по отношению к научным обществам запретительно-разрешительную, контролирующую и поддерживающую функции. Со своей стороны общества исполняли предписания власти, выполняли все требования, обращались с различными просьбами и очень редко проявляли инициативу.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что содержащийся в ней фактический материал, основные положения и выводы могут быть использованы в учебных курсах по истории России и спецкурсах по истории Санкт-Петербурга, а также для написания обобщающих работ, посвященных истории отдельных научных обществ. Результаты диссертационного исследования послужат базой для дальнейшей разработки проблем социальной истории отечественной науки.

Апробация работы. Текст диссертации и ее главы обсуждались на заседаниях Отдела современной истории Санкт-Петербургского института истории РАН в 2011-2013 гг. Основные положения и результаты исследования докладывались на 9 научных конференциях, проходивших в Санкт-Петербурге, Москве и Самаре в 2011-2013 гг. Среди них можно отметить международные конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (г. Москва, 2011-2013 гг.), «Российская академия наук и международные связи в области науки и культуры. XIX – начало XXI века» (г. Санкт-Петербург, 2012 г.); Всероссийская научная конференция молодых историков «Платоновские чтения» (г. Самара, 2011-2012 гг.) и др.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, его территориальные и хронологические рамки, методологическая основа, степень изученности проблемы, цель и задачи, охарактеризованы неопубликованные и опубликованные источники.

В **главе I «Научные общества: понятие и классификация»** проанализировано понятие «научные общества» и представлена классификация научных обществ для 1920-х гг.

Первый параграф «Конкретизация понятия "научные общества"» посвящен определению того, какие именно организации в 1920-е гг. можно считать научными обществами. Анализируются дореволюционные и советские справочники, словари и работы отечественных историков для того, чтобы составить представление об изменении содержания и объема понятия «научные общества», при этом проследить эволюцию терминологии и ее зависимость от социально-культурной и политической ситуации в стране.

Делается вывод, что из-за отсутствия четкого определения понятия «научные общества» для 1920-х гг. в изученных документах и историографии, необходимо, при помощи метода терминологического анализа и на основе неопубликованных и опубликованных источников, выделить существенные признаки научных обществ, которые составляют содержание этого понятия.

Признаками научных обществ являлись: название общества, подчиненность общества Главнауке Наркомпроса, определение государственными органами (включая Главнауку и ее местное отделение) общества как научного, научно-исследовательский характер деятельности, наличие четкой организационной структуры и уставных документов, квалифицированный состав. Анализ этих признаков показывает, что они имели разную степень универсальности, но в целом совокупность перечисленных признаков позволяет сформулировать понятие «научные общества». Научными обществами в 1920-е гг. необходимо считать такие организации, которые функционировали на основе утвержденного устава и состояли из ученых и специалистов, занимающихся исследовательской работой, с целью всесторонней разработки какой-либо области науки.

Во втором параграфе «Классификация научных обществ» взаимоотношения власти и научных обществ в 1920-е гг. характеризуются через их зависимость от характера последних. Закономерности устанавливаются путем классификации научных обществ по следующим критериям: 1) по отраслям науки (математические и естественнонаучные, технические, медицинские, гуманитарные общества); 2) по времени создания (научные общества, созданные в Российской империи и при Временном правительстве; общества, появившиеся в 1918-1930 гг.); 3) по принадлежности к научным учреждениям (самостоятельные организации; существовавшие при каком-либо высшем учебном заведении или Академии наук; при одном из научно-исследовательских институтов); 4) по

идеологической лояльности (количество членов партии и комсомольцев в составе общества); 5) по численности членов; 6) по масштабам деятельности (всесоюзные, всероссийские, региональные, городские, а также отделения всесоюзных или всероссийских научных обществ). Анализируются также классификации по соответствующим критериям, предложенным некоторыми отечественными историками.

Метод классификации позволил установить дифференцированность и формализованность отношения власти к научным обществам в 1920-е гг. Не только численность научных обществ, но и их реальное разнообразие в этот период было довольно велико, причем документы некоторых из них не сохранились, поэтому об их взаимоотношениях с властью можно судить исходя из закономерностей, установленных с помощью классификации.

В главе II «Власть и научные общества Петрограда в 1917 г. и в годы гражданской войны» рассматриваются взаимоотношения власти и научных обществ накануне Октябрьской революции и в годы гражданской войны.

В первом параграфе «Научные общества и власть накануне Октябрьской революции» кратко охарактеризованы основные этапы становления взаимоотношений власти и научных обществ с момента создания первой такой организации вплоть до Октябрьской революции 1917 г., а также анализируются законодательные основы этих взаимоотношений.

Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. – первый специальный закон об общественных организациях, под действие которого подходили и научные общества. Согласно Временным правилам, членами обществ не могли становиться несовершеннолетние, учащиеся и лица, состоящие на военной службе. Вопрос о регистрации любого общества решался специальными органами на местном уровне, а не в соответствующих министерствах, как это было в XIX в. Однако процедура регистрации новой организации оставалась довольно сложной. Зарегистрированные общества должны были постоянно отчитываться перед губернатором, градоначальником и начальником местной полиции обо всех изменениях, происходивших в составе правления общества и т.п. Министр внутренних дел, губернатор и градоначальник имели полномочия закрывать общества по своему усмотрению, если деятельность данной организации признавалась ими угрожающей общественному спокойствию и безопасности.

Февральская революция привела к демократизации взаимоотношений власти и научных обществ, которые стали строиться на основе новых законодательных актов. Постановления Временного правительства не упрощали регистрацию организаций, но снимали ограничения на членство в обществах, а закрытие могло последовать только по суду. В виду отсутствия длительной практики применения, эти постановления не сыграли существенной роли в развитии отношений власти и общественных организаций.

Взаимоотношения власти и научных обществ развивались на протяжении нескольких столетий, причем в течение этого времени складывались и формы их взаимодействия. На административном уровне взаимодействие выражалось

в контроле со стороны властных органов над всей внутренней жизнью обществ в целом, содержанием научных выступлений, составом и т.п. В разрешительно-запретительной форме участие власти проявлялось в создании и закрытии научных обществ. Государственная поддержка выражалась в финансировании крупных исследовательских проектов, что являлось еще одной формой взаимодействия научных обществ и власти. Огосударственные «императорские» научные общества получали регулярную правительственную субсидию и пользовались особым покровительством властей, что не в последнюю очередь связано с персональным участием представителей власти и императорской семьи в деятельности некоторых научных обществ, что также можно рассматривать как своеобразную форму их взаимодействия.

Во втором параграфе «Власть и научные общества Петрограда в первые послереволюционные годы» рассматривается политика власти, местной и центральной, в отношении научных обществ города в новых, послереволюционных условиях.

Деятельность научных обществ Петрограда в годы гражданской войны полностью не замерла, но резко сократилась под влиянием объективных и субъективных причин. Экспедиционная деятельность научных обществ была парализована, они почти не печатали своих трудов. Однако ими проводились заседания, отдельные члены читали доклады и «популярно-общедоступные лекции». Кроме этого, представители научных обществ использовались властью в качестве экспертов по определенным вопросам, что было обычным делом и до революции.

Отношение власти к обществам в эти годы было противоречивым. С одной стороны, власть была заинтересована в сохранении и привлечении на свою сторону ученых, входивших в научные общества. С другой стороны, члены некоторых обществ подвергались арестам.

В первые послереволюционные годы разрешительно-запретительная форма взаимоотношений власти и научных обществ выражалась в том, что власть не препятствовала созданию новых организаций и не закрывала те из них, что были основаны до Октябрьской революции, хотя в эти годы от власти исходила инициатива создания множества научных учреждений других типов (Коммунистическая академия, научно-исследовательские институты и т.п.).

В связи с национализацией банковской системы научные общества, лишившись своих капиталов, вынуждены были обращаться в административно-научные органы за субсидиями. При этом власть старалась оказывать научным обществам финансовую и материальную поддержку. Финансовая поддержка, как и до революции, была дифференцированной – субсидировались только те научные общества, в деятельности которых власть была заинтересована. Наравне с техническими и естественнонаучными обществами не вызывало у власти сомнений финансирование медицинских научных обществ. Гуманитарным обществам приходилось сложнее других, свое право на субсидии им необходимо было доказывать. В новых политико-экономических

условиях для обществ практически единственным источником средств было государство, зависимость от которого стала всеобъемлющей.

Властный контроль в годы гражданской войны, в отличие от предшествующего периода, осуществлялся, в основном, над финансовой жизнью обществ, однако и направления их деятельности могли быть существенно скорректированы властью, путем урезания ассигнований.

Глава III «Власть и научные общества Петрограда-Ленинграда в первой половине 1920-х гг.» посвящена анализу проблем взаимодействия власти и научных обществ города в первой половине этого десятилетия.

В первом параграфе «Законодательные и нормативные основы функционирования научных обществ» анализируется комплекс законодательных и нормативных актов, на основе которых строились взаимоотношения власти и научных обществ в данный период.

Первым советским законом, регулирующим процессы создания, функционирования и ликвидации общественных организаций, было постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» от 3 августа 1922 г. Оно повторяло некоторые из положений Временных правил 1906 г. и постановлений Временного правительства 1917 г. Принципиально новым было то, что теперь было несколько регистрирующих органов – в зависимости от масштабов деятельности организации.

С момента издания Постановления началась перерегистрация всех обществ, которая для всех видов научных обществ была сложной и длительной, что усиливалось бюрократизацией деятельности Петроградского управления научных учреждений (ПУНУ), а с 1924 г. Ленинградского отделения Главнауки (ЛОГ) и НКВД. Особенно это проявилось после опубликования в 1923 г. обязательного для всех научных обществ «Нормального устава», положившего начало новой перерегистрации. Дифференцированное отношение власти к научным обществам города выражалось в разрешении или запрещении регистрации того или иного общества.

Создание новых законодательных основ взаимоотношений власти и научных обществ не внесло ясности в эти отношения в период 1921-1925 гг., скорее это привело к обострению противоречий. Назревшие проблемы взаимоотношений научных обществ и власти, к сожалению, не были своевременно урегулированы, несмотря на то, что власть пошла на компромисс с учеными, доверив им редактирование нового устава. Однако ученых не устроил этот документ, и они составили контрпроект, на что у них не было соответствующей санкции. До конца этот процесс не был доведен, т.к. устав, выработанный в начале 1925 г. участниками Совещания представителей ленинградских научных обществ, созванного по предложению Главнауки при Географическом обществе, так и не был принят из-за его демократического характера.

Во втором параграфе «Формы властного контроля над научными обществами Петрограда-Ленинграда» отмечается, что контроль над научными

обществами города осуществлялся тремя ведомствами: Наркоматом просвещения, Наркоматом внутренних дел и Наркоматом финансов, т.е. их местными органами в лице соответственно ПУНУ (ЛОГ), Административного отдела губисполкома и Финансово-контрольного управления губфинотдела.

На основе анализа источников делается вывод о том, что новые законодательно-нормативные акты не в полной мере отражали реальные взаимоотношения власти и обществ. Последние серьезно корректировались циркулярами, приказами и отношениями Главнауки и ее Ленинградского отделения, а также других органов, под чьим непосредственным контролем находились данные организации. Формы такого контроля были разнообразны.

Контролю подвергалась внутренняя жизнь научных обществ, т.к. они сообщали обо всех заседаниях и собраниях, протоколы которых направлялись в контролирующие органы. Одной из форм контроля были обследования обществ, для чего была создана специальная комиссия. Состав научных обществ также входил в сферу властного контроля. Списки членов и должностных лиц, а также их подробные анкеты, с указанием партийности (с 1925 г.) доставлялись властным органам.

Деятельность обществ контролировалась посредством регулярной и подробной отчетности. Протоколы общих собраний, журналы заседаний советов обществ, сметы, финансовые отчеты (даже для не субсидируемых обществ), производственные программы (планы работ), ежеквартальные и годовые отчеты о деятельности необходимо было составлять по особой форме и направлять в ЛОГ. Помимо этого, на учете состояли музейные коллекции обществ, а их издания подвергались цензуре на общих основаниях.

С конца 1924 г. по инициативе заведующего ЛОГ М.П. Кристи стали устраиваться совместные заседания представителей научных обществ города и научно-исследовательских институтов. Эта «увязка» позволяла, с одной стороны, подвергать общества дополнительному контролю, с другой – взаимно контролировать учреждения и общества. Стоит только отметить, что нередко одни и те же люди работали в научных учреждениях и профильных им обществах, так что они, получалось, контролировали и сами себя.

В третьем параграфе «Поддержка властью деятельности научных обществ Петрограда-Ленинграда» характеризуются основные виды деятельности научных обществ, в рамках которых осуществлялось взаимодействие с властью.

Для научных обществ Петрограда-Ленинграда на протяжении всех 1920-х гг. главными были вопросы жизнедеятельности, т.е. получение субсидий, оплата труда штатных сотрудников, покупка инвентаря, пополнение библиотеки, поиски средств для издания трудов, организации командировок и экспедиций, хозяйственные расходы, наличие помещений и т.п., все это могло быть обеспечено только при помощи государства.

Научная жизнь в стране постепенно восстанавливалась, и к середине 1920-х гг. была налажена нормальная работа большинства научных обществ Ленинграда. Действительно, в первой половине 1920-х гг. четко фиксированное

количество обществ регулярно и планомерно субсидировалось (ежемесячная государственная субсидия научных обществ состояла из денег на оплату штатных должностей и отдельных ассигнований на текущие расходы), иные же получали финансирование на определенные цели. Именно в эти годы стали возможны заграничные командировки, обмен изданиями с различными зарубежными организациями, произошло увеличение числа научных обществ. Деятельность научных обществ осуществлялась в форме собраний, чтения лекций, консультаций по отдельным вопросам. Возобновились, правда, в незначительном объеме, научные экспедиции. Общества печатали журналы и труды своих членов.

Власть всеми доступными ей средствами пыталась помочь и финансово, и материально научным обществам Петрограда-Ленинграда. Это нашло отражение в «языке» обращений во властные органы со стороны научных обществ, которые при каждой возможности подчеркивали, как ценна для них властная поддержка. Кроме этого, частыми стали личные обращения к заведующему ЛОГ М.П. Кристи. Однако, вместе с тем, внимание государства к деятельности научных обществ города становилось более пристальным, последовательно усиливалась формализация и ужесточался контроль. Все это к середине 1920-х гг. привело к обострению отношений власти и научных обществ.

В главе IV «Власть и научные общества Ленинграда во второй половине 1920-х гг.» анализируются изменения, произошедшие в отношениях власти и научных обществ Ленинграда во второй половине этого десятилетия.

Первый параграф «Изменение законодательных и нормативных основ функционирования взаимоотношений власти и научных обществ» посвящен рассмотрению законодательно-нормативных актов, в которых закреплялись строгая регламентация и всеобъемлющий властный контроль над деятельностью общественных организаций.

Утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 6 февраля 1928 г. новое «Положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли» вводило ограничение на членство в этих организациях: учредителями, а также членами выборных исполнительных органов могли быть только совершеннолетние граждане, не лишенные права избирать в советы. Для регистрации в соответствующие органы помимо стандартного набора документов теперь было необходимо предоставлять протокол собрания учредителей и анкетные сведения о каждом учредителе по форме, установленной НКВД. Новым по сравнению с законом начала 1920-х гг. было и то, что регистрирующие органы обязаны были осуществлять наблюдение за деятельностью обществ, а, в случае необходимости, выносить решение об их закрытии.

В дополнение к принятому Положению были разработаны Типовые уставы, согласно которым общества должны были содействовать выполнению мероприятий, проводимых органами власти в области вопросов, относящихся к деятельности общества. Многим научным обществам города не удалось пройти

объявленную в связи с принятием Положения 1928 г. и Типовых уставов перерегистрацию, вследствие чего их численность сократилась.

Утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 30 августа 1930 г. «Положение о добровольных обществах и союзах» имело целью превращение всех общественных организаций в массовые. Этому же были подчинены и новые Типовые уставы. Одновременно с этим в Ленинграде в 1929-1931 гг. властью создавалась параллельная научным обществам система различных обществ марксистов и научно-технических обществ.

В целом, отношения научных обществ Ленинграда и власти во второй половине 1920-х гг. становились все более напряженными, а изменения, произошедшие на законодательно-нормативном уровне, обострили противоречия. Реализация Положений 1928-1930 гг. на практике выражалась в последовательном усилении властного контроля и всесторонней регламентации деятельности обществ, что, в конечном результате, привело к трансформации самой сути научных обществ и к радикальному изменению их целей и задач.

Во втором параграфе «Осуществление властного контроля над научными обществами Ленинграда» исследуются формы, в которых выражался контроль власти над деятельностью научных обществ города.

Середина 1920-х гг. отмечена кризисными явлениями во взаимоотношениях власти и научных обществ Ленинграда. Существовавшие противоречия первой половины десятилетия вылились в открытое противостояние в 1926 г., когда на очередном совещании директоров научных учреждений, подведомственных Главнауке в Ленинграде, секретарем Общества любителей мироведения В.А. Казицыным был прочитан доклад «Об упрощении отчетности научных обществ перед органами административного надзора, научно-административными и финансово-контрольными учреждениями». Докладчик критиковал существующие взаимоотношения власти с научными обществами и намечал пути решения назревших проблем. Однако это выступление, надо полагать, было проигнорировано властью, т.к. решительных действий властей в отношении общества или его секретаря не последовало, при этом ни одно из положений доклада не было проведено в жизнь.

Контроль и регламентация продолжали возрастать, причем не только по государственной, но и по партийной линии. Проводилась линия на «коммунизирование» научных учреждений, подведомственных ЛОГ: в частности, с середины 1920-х гг. пункт «партийность» стал неотъемлемой частью всех анкет, предлагаемых властными органами. В большинстве обществ количество членов ВКП(б) было незначительным, хотя для власти наличие достаточного их числа в составе научного общества служило мерилом его политической лояльности.

Административному контролю подвергались все аспекты жизнедеятельности научных обществ Ленинграда, т.к. и во второй половине 1920-х гг. в контролирующие органы от научных обществ продолжали регулярно поступать журналы заседаний и другая отчетность.

Новой формой контроля стали масштабные обследования научных обществ Ленинграда в 1929-1930 гг., произведенные дважды разными составами проверяющих. В итоге, в конце 1930 г. большинство научных обществ Ленинграда были переданы в ведение Облоно, все медицинские общества в Облздравотдел. Поднадзорность соответствующим государственным учреждениям означала окончательное огосударствление научных обществ.

Властный контроль над деятельностью научных обществ во второй половине 1920-х гг. усиливался, причем формы этого контроля становились все более изощренными, а на рубеже десятилетия, в соответствии с проводимым курсом на полное подчинение власти всех общественных организаций, он стал, без сомнения, тотальным.

В третьем параграфе «Поддержка деятельности научных обществ Ленинграда со стороны власти» рассматривается реализация поддерживающей функции власти по отношению к научным обществам Ленинграда во второй половине 1920-х гг.

Деятельность научных обществ в этот период, как и прежде, осуществлялась при финансовой и материальной государственной поддержке. Разумеется, масштаб и успешность работы обществ во многом зависели от объема финансирования. Существенные изменения произошли в порядке финансирования научных обществ: с 1 октября 1929 г. вместо статей сметы Наркомпросом им предлагалась общая субсидия на год, без детализации на отдельные статьи расходов, но с предоставлением свободы в ее расходовании. Такая мера была, по-видимому, вызвана серьезным сокращением объемов финансирования, т.к. составление предварительных смет в таких условиях было бы проблематично для научных обществ.

Деятельность научных обществ города шла в прежних направлениях: заседания, публичные лекции, представители обществ приглашались на совещания государственных учреждений, проводились всесоюзные съезды ученых, организовывались экспедиции. Печатание журналов научных обществ осуществлялось через Государственное издательство. Процедура книгообмена с границей по инициативе власти была несколько упрощена.

«Язык» взаимоотношений власти и научных обществ изменился именно в конце 1920-х гг., что во многом было связано с новыми законно-нормативными актами, усилением властного контроля, непрекращающимися перерегистрациями и обследованиями научных обществ. В сложившейся ситуации для «выживания» нужно было подстроиться к новой реальности, к новым требованиям, предъявляемым властью всем общественным организациям. Научные общества, принявшие эти условия, продолжили свое функционирование, другие – нет.

Почти полностью вышли из оборота дореволюционные формулы вежливости, зато появились типичные советские слова. Личные обращения к различным чиновникам, как и прежде, употребляются, но к наиболее авторитетным из них могли обращаться и отдельные члены общества за

«одобрением». Благодарности властным органам и их отдельным представителям встречаются во многих годовых отчетах научных обществ, что, вероятно, имело место еще до революции.

Однако, несмотря на усилившуюся формализацию и ужесточение контроля над деятельностью научных обществ, в период второй половины 1920-х гг. четко фиксированное количество обществ регулярно и планомерно субсидировалось, иные же получали финансирование на определенные цели, а также продолжали развиваться международные контакты научных обществ с зарубежными организациями.

В **заключении** подводятся итоги исследования и излагаются основные выводы. В 1920-е гг. научные общества находились под контролем административных органов, осуществлявших государственную политику, как в научной, так и в общественной сферах. Научные общества пользовались своим двойным статусом: когда обществам была выгодна самостоятельность, они объявляли себя общественными организациями, когда же были заинтересованы в поддержке со стороны, примыкали к государственным учреждениям. Со своей стороны, властным органам приходилось выработать особенные, соответствующие специфике научных обществ, способы и приемы взаимодействия с ними. Власть выполняла по отношению к научным обществам запретительно-разрешительную, контролирующую и поддерживающую функции.

Взаимоотношения научных обществ и власти в 1920-е гг. прошли несколько этапов. Первый этап (1921-1925 гг.) характеризовался упорядочением отношений научных обществ и власти на основе новых правовых документов, регулирующих процессы создания, ликвидации, а также функционирования, отчетности и т.д. В ходе очередной перерегистрации, начавшейся в июле 1923 г. в связи с опубликованием Нормального устава, некоторые общества, в основном гуманитарные, были закрыты. Кроме этого, создание новых обществ было затруднено в связи с возросшими требованиями к регистрирующимся организациям. Тем не менее, в этот период наладилась работа научных обществ и нормализовалось их финансовое положение, были восстановлены международные связи. Но, с другой стороны, к середине 1920-х гг. проявились кризисные явления в отношениях власти и научных обществ, т.к. последние все больше лишались самостоятельности. В 1925-1926 гг. общества открыто попытались противостоять административно-бюрократической системе (выработка своего варианта устава, предложения об упрощении отчетности), но это не встретило никакой реакции со стороны власти.

В течение второго этапа (1926-1930 гг.) усиление нажима со стороны власти на всю систему научных обществ осуществлялось на основе новых законодательно-нормативных актов 1928-1930 гг., которые были направлены на превращение научных обществ в массовые организации, причем контроль над их деятельностью становился тотальным. Взаимоотношения власти и научных обществ становились все более напряженными. В результате масштабных

обследований 1929-1930 гг. научные общества были прикреплены к государственным учреждениям и потеряли свою самостоятельность.

Таким образом, сложившаяся в первой половине 1920-х гг. система научных обществ Петрограда-Ленинграда к 1925-1926 гг. достигла пика своего развития, после чего научные общества постепенно стали терять свое значение, их численность сокращалась. На рубеже 1920-1930-х гг. оставшиеся немногочисленные общества полностью трансформировались в соответствии с требованиями власти, изменили свои цели и задачи. Под наименованием научных в дальнейшем стали функционировать совершенно другие по своей сути организации, отношения которых с властью строились уже абсолютно на иных принципах.

Публикации автора. Основные положения и результаты диссертационного исследования изложены в следующих работах автора:

Публикации в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. *Синельникова Е.Ф.* Научные общества Петрограда-Ленинграда в годы нэпа // Клио: журнал для ученых. Вып. 7(67). СПб.: Изд-во «ПОЛТОРАК», 2012. С. 92-95. (0,5 а.л.)

2. *Синельникова Е.Ф.* Понятие «научные общества»: проблема историографической традиции // История: электронный научно-образовательный журнал. Вып. 5(13): История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000191-9-2-ru> (дата обращения: 19.09. 2013). (0,5 а.л.)

3. *Синельникова Е.Ф.* Власть и научные общества Петрограда-Ленинграда во второй половине 1920-х гг. // Клио: журнал для ученых. Вып. 2(74). СПб.: Изд-во «ПОЛТОРАК», 2013. С. 66-71. (1 а.л.)

Публикации в других изданиях:

1. *Синельникова Е.Ф.* Научные общества и власть в первые послереволюционные годы // Материалы XVIII международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». [Электронный ресурс] 2011. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1437/12242_7bcc.pdf (дата обращения: 19.09. 2013). (0, 1 а.л.)

2. *Синельникова Е.Ф.* Особенности существования петроградских научных обществ в 1917-1922 годы // Платоновские чтения: материалы и доклады XVII Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 25-26 ноября 2011 г.). Самара, 2011. С. 88-90. (0,1 а.л.)

3. *Синельникова Е.Ф.* НЭП и научные общества Петрограда-Ленинграда // Материалы XIX международной научной конференции студентов, аспирантов и

молодых ученых «Ломоносов». [Электронный ресурс]. 2012. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/1786/12242_1c36.pdf (дата обращения: 19.09. 2013). (0,1 а.л.)

4. *Синельникова Е.Ф.* Роль научных обществ Петрограда-Ленинграда в международной политике Советской России в 1920-е гг. // Платоновские чтения: материалы и доклады XVIII Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 7-8 декабря 2012 г.). Самара, 2012. С. 37-39. (0,1 а.л.)

5. *Синельникова Е.Ф.* Власть и научные общества в 1920-е гг. на материалах Петрограда-Ленинграда // Материалы XX международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». [Электронный ресурс]. 2012. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2182/12242_f3a9.pdf (дата обращения: 19.09. 2013). (0,1 а.л.)